

Данька шёл по широкой улице. Туда и сюда сновали машины. Рядом по тротуару спешили пешеходы — утренняя суета. Все шли по своим делам. Кто на работу, кто на учёбу. Данька тоже спешил на занятия.

Его детство прошло в деревне, далеко от большого города. Но он часто приезжал сюда на каникулы, гостил у своих родственников, а теперь поступил в институт и совсем поселился у своей тёти.

Вдали зазвонил трамвай. Даньке удобно на нём ездить: институт недалеко, он успевал просмотреть конспекты и даже вздремнуть. Войдя в вагон, он старался сесть и устроиться основательно, чтобы меньше толкали и по возможности никому не уступать место. Такое место нашлось у окна: тепло, светло, и никто не мешает!

Усевшись поудобнее, достал тетрадь, но... утро было раннее, тетрадка перекечевала в сумку, а глаза стали медленно закрываться. Из-за домов вышло солнце, и в его ореоле возник прекрасный образ. Перед ним стояла девушка — тоненькая, в светлом платье в горошек. Длинные русые волосы струились по плечам и доходили до поясницы. Красивый овал лица, тонкие черты, но он не успел разглядеть глаза. Какие же у неё глаза? Солнце скрылось за очередным зданием, и видение исчезло.

Данька вскочил с места и стал быстро продвигаться к выходу. Где она? В какую сторону ушла?

Выскочив из вагона первым, дождался, когда выйдут все пассажиры, но напрасно — девушка исчезла. Но ведь она была?!

Весь день он ходил под впечатлением! Вот она идёт рядом, стуча каблучками... И он смотрит на неё.

Каждое утро, в одно и то же время, Данька спешил на трамвайную остановку, приглядывался к каждой девушке, но... Что же это было? Никого даже чуть-чуть похожего.

Потеряв надежду, он попробовал ездить автобусом — меньше времени уходило на дорогу, подольше можно было постоять на остановке: вдруг она приходит позже?

Нет. Всё напрасно.

Жизнь студента — не сахар, на стипендию не разбежишься. Из дома присылали только продукты. Хорошо ещё, что жил у тётки. В деканате предложили поработать курьером. Ну что ж, это очень кстати; свободного времени, правда, мало, скоро сессия, но деньги очень нужны, и к лету надо приодеться.

Он шёл в стройуправление с каким-то пакетом и вдруг увидел её. Да! Это была она! Солнце освещало её со спины. Длинные светлые волосы покачивались в такт шагам. Тоненькая, грациозная, она проплыла мимо, не взглянув на него. Он не видел её лица, но знал, что оно прекрасно!

Нет! Такого просто не бывает!

Он не пошёл за ней, побоялся спугнуть, а только долго смотрел ей вслед. Теперь он каждое утро встречал её и всё больше убеждался: это она. А она просто шла, задумчивая, одухотворённая и очень красивая!

Сегодня он попробует заговорить с ней, если осмелится.

Он долго укладывал перед зеркалом свой непокорный каштановый чуб. Начистил до блеска старые туфли. И придирчиво посмотрел в свои карие глаза: говорят, в них всегда пляшут чёртики.

Данька увидел её издалека, остановился у афиши, сделал вид, что изучает, а сам во все глаза разглядывал свою любовь. Девушка была необыкновенно хороша. Иногда ему казалось, что незаметно она тоже за ним наблюдает.

Когда она приблизилась, он, как бы нечаянно, шагнул ей навстречу. От неожиданности она остановилась, и её пушистые ресницы вспорхнули, как испуганные птицы.

Боже! А глаза-то у неё зелёные, как малахит.

— Простите! — прошептал он и сделал шаг в сторону.

Они снова разошлись...

На следующий день его отправили с поручением в Новосибирск — увезти на исследование минералы. Ответ пришлось ждать больше недели. На душе было неспокойно: а если он больше её не увидит? Вдруг она куда-нибудь уедет? На носу лето.

Вернувшись, Данька еле дождался утра. С замиранием сердца он пошёл по знакомой дороге. И вот она! Сердце готово было выскочить из груди и бежать к ней!

Девушка замедлила шаги, остановилась перед Данькой и, сложив руки лодочкой, протянула их ему:

— Я Веста!

Глаза у Даньки округлились: Веста! Весточка, конечно, и не иначе!

— А я Данька. Ты мне приснилась, именно такая!

— А я тебя потеряла. Ты где был?

Они уселись на скамейке под развесистым клёном с молодыми клейкими листочками и долго сидели так, держась за руки.

Пела какая-то птица, но Даньке казалось, что это поёт его сердце.